

УДК 316.812.4

В. В. Солодников
О ПОТРЕБНОСТИ В ДЕТЯХ И РЕПРОДУКТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ

СОЛОДНИКОВ Владимир Владимирович – профессор кафедры прикладной социологии социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета. E-mail: solodnikovv@mail.ru.

Аннотация: в статье предпринята попытка дискуссии по материалам фрагмента будущей книги Ф. Н. Ильясова, посвященной деторождению. Рассматривается и комментируется (преимущественно с позиции психологической теории деятельности) ряд ключевых понятий, используемых автором (потребность (в детях), репродуктивная мотивация, репродуктивное поведение и др.).

Ключевые слова: потребность; потребность в детях; репродуктивная мотивация; репродуктивное поведение; факторы снижение рождаемости.

В номере 1 за 2013 г. журнала был опубликован фрагмент рукописи Ф. Н. Ильясова «Социология поло-репродуктивного поведения», готовящейся к изданию [9].

Прежде всего, импонирует намерение автора, стремясь остаться в предметном поле социологии, развивать мало популярный в российской традиции этологический подход и использовать наработки формирующихся новых отраслей научного знания (например, «репродуктивистики», по А. М. Ильшеву и А. П. Багировой); ввести новые понятия – «репродуктивной импотенции» (расширив и обогатив его помимо медицинского аспекта – социально-психологическим и социальным) и «половой социализации»; проанализировать типы «репродуктивной ситуации» на макросоциальном уровне, а также детализировать структуру репродуктивного поведения.

Вместе с тем, на мой взгляд, именно на этом этапе автору могут оказаться полезными некоторые размышления и комментарии, возникающие по прочтении текста.

О понятии потребность

Во всех основных словарях (от Википедии до философского) потребность выступает в качестве «источника» активности организма (или личности, или социальной группы или общества в целом)¹, но не рассматривается в качестве самой активности.

Поэтому весьма революционным и, на мой взгляд, недостаточно аргументированным является отождествление автором потребности и «программ поведения» [9, с. 170].

© Солодников В. В., 2013

---

¹ Специфической является трактовка потребностей в экономике, но вряд ли автор имеет в виду именно ее. Поэтому не будем на ней останавливаться.

Более того, автор считает определение потребности через «нужду» тавтологией. Вряд ли это так. По А. Н. Леонтьеву, «потребность есть состояние организма, выражающее его объективную нужду в дополнении, которое лежит вне его... это потребность – в чем-то, что лежит вне организма» [14, с. 1]. И еще. «Наличие потребности составляет необходимую предпосылку любой деятельности, однако потребность сама по себе еще не способна придать деятельности *определенную направленность*» [14, с. 13]. Тогда потребность (состояние «нужды» организма, человека в чем-то внешнем по отношению к нему) не предполагает однозначной связи с разворачивающейся «программой поведения» (в терминологии автора). Одна и та же потребность может реализоваться различными способами, «программами». По справедливому замечанию Ю. Б. Гиппенрейтер, на первом этапе (до «встречи» с предметом) потребность переживается как неопределенное состояние напряжения, неудовлетворенности (даже без понимания его причин), а внешне проявляется в беспокойстве и поисковой активности [3, лекция 8]. Эта активность приводит к встрече потребности со своим «предметом». При этом одной из принципиальных особенностей потребности при этом является то, что она может быть удовлетворена весьма широким спектром предметов. А выбор конкретной «программы поведения» (в терминологии Ф. Н. Ильясова) происходит в результате фиксации потребности на первом удовлетворившем ее предмете (в своей элементарной форме эта фиксация обеспечивается механизмом импринтинга (запечатления)). Именно это и есть мотив деятельности (опредмеченная потребность). С этого момента потребность становится определенной (в данном предмете). Тогда разворачивается деятельность (побуждаемая этим «предметом»), у которой есть более частные единицы – действия (регулируемые целью, которая всегда осознаваема) и операции (соотносимые с конкретными условиями).

Таким образом, «...единственным побудителем *направленной* деятельности (является)... не сама по себе потребность, а предмет, отвечающий данной потребности. Предмет потребности – материальный или идеальный, чувственно воспринимаемый или данный только в представлении, в мысленном плане...(является) *мотивом деятельности*» [3, лекция 8]. Именно мотив обладает помимо функции побуждения функцией смыслообразования.

Наконец, отметим еще два положения: во-первых, деятельность человека, как правило, регулируется несколькими мотивами (их иерархизированной системой), а во-вторых, далеко не все из них актуально осознаются.

Все эти рассуждения являются упрощенным изложением психологической теории деятельности А. Н. Леонтьева [11, 12, 13]. Этот подход, как и фамилия автора (наряду с культурно-историческим подходом, чаще всего связываемым с именем Л. С. Выготского), известен зарубежом и вошел в число «классических». Наконец, «деятельностная парадигма» сегодня востребована современной социологической наукой [8].

О понятии «потребность в детях»

А. И. Антонов (мнение которого во многом совпадает с позицией Ф. Н. Ильясова) является автором этого понятия, которое он определяет его через ряд существенных признаков. Потребность в детях, согласно его интерпретации, 1. определяет специфику репродуктивного поведения; 2. является социально-психологическим свойством

(стремлением) человека; 3. состоящего в браке; 4. обзаводиться нормативным (принятым в обществе) числом детей в семье [1].

Репродуктивное поведение, предполагающее вступление в брак и «обзаведение» нормативным количеством детей, по А. Н. Леонтьеву, несомненно, является деятельностью, регулируемой ее «предметом» (системой мотивов). Адекватно ли в этом случае используется понятие потребности (даже с оговоркой о его «социально-психологичности»), которая в рамках теории деятельности не способна придать деятельности направленность? В любом случае интерпретация потребности как А. И. Антоновым, так и Ф. Н. Ильясовым нуждается в дополнительной развернутой аргументации.

Но даже допустив существование потребности в детях, зададимся рядом вопросов: может ли быть «потребность в детях» удовлетворена вне брака? с помощью большего/меньшего (чем нормативное) количества детей? путем усыновления? установления опеки? искусственного оплодотворения? суррогатного материнства? Во всех этих случаях потребность остается той же или становится качественно иной? На эти вопросы пока, видимо, нет ответов.

Не спасает положение дел и дефиниция **«репродуктивной мотивации»**.

Согласно А. И. Антонову, «репродуктивная мотивация» – иерархия мотивов рождения детей, «психическое состояние личности, побуждающее индивида к достижению личных целей ... через рождение определенного числа детей... (Она) выражает собой побудительный компонент репродуктивной установки» [2].

У психологов это определение вызовет множество вопросов. Отметим только два, наиболее спорных, по нашему мнению, момента.

Почему именно **количество детей** является доминантой побудительной функции репродуктивной мотивации? Почему мотивация соотносится с понятием установки (а не потребности)? В чем содержательное различие потребности в детях и репродуктивной мотивации при условии, что в обоих случаях их существенными характеристиками являются детерминация репродуктивного поведения и количество детей?

Если исходить из определения социологии как науки, «опирающейся на эмпирически подтвержденные данные» [10, с. 28], то в данном случае возникает еще один очень важный вопрос: как возможно **методически** подступиться к выявлению столь «экзистенциально нагруженной» деятельности как рождение ребенка (репродуктивного поведения, по Ф. Н. Ильясову), в структуре которой есть множество оснований полагать наличие бессознательных компонентов²? Использование семантического дифференциала и проективных вопросов не спасет положение. В случае же использования прямых/косвенных вопросов, возможно, следует говорить о мотивировках, на что совершенно справедливо указывает Ф. Н. Ильясов.

Кроме того, использование традиционного социологического инструментария (опросных методов в различных модификациях) адекватно соотносится с такими активно используемыми понятиями, как (социальные) *представления* о желаемом/оптимальном/идеальном количестве детей. Или система *диспозиций* (возможно, только ее «верхних» уровней), по В. А. Ядову [17].

Если же хочется иметь дело с обоснованием причин принятых решений, то в рамках социальной психологии есть богатая исследовательская традиция изучения процессов «*каузальной атрибуции*» (приписывания причин). А сравнительно недавно был предложен

² В теории установки Д. Н. Узнадзе ее бессознательный уровень тоже присутствует.

методически фундированный квазиэкспериментальный подход для изучения *повседневных имплицитных «причинных моделей»* применительно к самым разным социальным феноменам [7].

В чем тогда эвристическая ценность и преимущества использования понятий «потребность в детях» и «репродуктивная мотивация»?

Репродуктивное поведение

В отличие от потребностей и мотивов именно это понятие, используемое автором в широком смысле (как «биологическое (физиологическое), психологическое и социальное воспроизводство популяции» [9, с. 168]³), рассмотрено наиболее детально (говорится о его формах/уровнях/программах/структуре) и представляется весьма интересным. Вместе с тем следует помнить, что понятие «поведения» широко использовалось и изучалось в рамках бихевиористской традиции, в рамках которой такие понятия, как «потребность (в детях) и/или мотивация (репродуктивная), являются ненаучными фикциями. Вряд ли автор именно в этом смысле говорит о поведении.

Кроме того, в качестве синонима программы репродуктивного поведения используется понятие **«рефлексов»** («генеративных», «родительских», «репродуктивных» – см. табл. 1 и табл. 2 [9, с. 170, 174]. Если уж употреблять весьма архаичные понятия, то принципиально важно пояснить, какие из них имеются в виду: условные (приобретаемые) или безусловные (наследуемые)?). В последнем случае («репродуктивные рефлексы») это понятие явно используется при характеристике социальных форм/уровней поведения – «следование нормам малодетности и бездетности. Насколько это оправдано?

Кроме того, учитывая приверженность автора этологическому подходу, возможно, имеются в виду **инстинкты**. Но тогда, во-первых, применительно к людям этологи и зоопсихологи обычно не используют это понятие⁴. Во-вторых, даже у животных выделяют генетически жестко заданную фазу (ориентировки) и более гибкую, адаптирующуюся к наличным условиям фазу реализации поведенческого акта [16]. Все это следует учитывать в анализе репродуктивного поведения, уже не говоря об эксплицировании пределов перенесения форм поведения (и понятий, их описывающих) животных на человека.

И наконец, при рассмотрении автором репродуктивного поведения не всегда очевидно, о каком из двух уровней рассмотрения заявленной темы идет речь: **сообщества, вида** (в этом случае представляется уместным разговор о «пассионарности» и «репродуктивной ситуации») и **отдельного индивида / особи / субъекта**. Насколько, например, адекватным является использование понятия «потребность в детях» применительно к видовому тиражированию генетического кода [9, с. 171]? Это потребность вида? Видимо, неосознаваемая? В этом случае существует традиция теоретизирования, берущая свое начало в «архетипах бессознательного» К. Г. Юнга, но это очень далеко от авторского предмета рассмотрения.

³ Следует однако заметить, что при столь широкой интерпретации, добавив воспроизводство материальных условий жизни (наряду с количественными и качественными параметрами), получаем, по Ф. Энгельсу, «механизм воспроизводства жизни», т. е. семью.

⁴ Возможно, говорят только о безусловных рефлексах, обеспечивающих выживание ребенка на самых ранних этапах онтогенеза (моргание, дыхание...). Кстати, некоторые из них (например, хватание, отмирают, а потом формируются заново на качественно иной основе, обеспечивая становление «высших психических функций», по Л. С. Выготскому.

О сексуальном и (собственно) репродуктивном поведении

Автор справедливо отмечает возникновение в процессе макросоциальной эволюции «расщепления» репродуктивного поведения на секс и собственно деторождение [9, с. 171–172, 175]. На наш взгляд, в этом случае нельзя игнорировать более общую закономерность, отмеченную и развернуто доказанную С. И. Голодом на богатом историческом материале (в т. ч. с привлечением результатов его многолетних исследований) закономерность автономизации **брачного, сексуального и репродуктивного** поведения [4, 5, 6]. При этом автор рассматривает соответствующее «радикальное усиление дифференциации поло-репродуктивных партнеров» в качестве социального фактора снижения рождаемости. Тем более в этом анализе нельзя обойтись без учета брачного поведения.

О факторах снижения рождаемости

Помимо упомянутого выше автор отмечает еще два фактора снижения рождаемости [9, с. 175]: **инфантилизм и потребительский невроз**. На мой взгляд, они нетривиальны, взаимосвязаны и нуждаются в комментариях.

Сначала о неврозе. Столь жесткий диагноз (а невроз классифицируется как заболевание) по аналогии с «шопоголизмом» в устах социолога даже со ссылкой на мнение российского клинического психолога выглядит достаточно категорично. Согласно Международному классификатору болезней (МКБ-10), среди психических заболеваний нет такого невроза. В США в Руководстве по диагностике и статистике психических расстройств DSM (Diagnostic and Statistical Manual of mental disorders) шопоголизм ранее рассматривался в качестве формы аддиктивного⁵ поведения, и Американская психиатрическая ассоциация (АПА) выделяет в нем пока только некоторые признаки мании. Однако в последней редакции DSM-5 от 2013 г. нет упоминания этого вида зависимости.

Об инфантилизме. С одной стороны, история сетований на то, что «молодежь стала не та», теряется в глубине веков. С другой – накапливается рефлексия о качественном изменении самой социальной реальности, ее превращении в «текучую» (З. Бауман). В этой ситуации представляется эвристичной высказанная Н. Blatterer [18] идея о том, что подходить со старыми «мерками», социальными критериями (завершенное образование, стабильная профессия, обзаведение семьей с детьми, собственное жилье и т. п.), маркирующими переход от молодости к зрелости, есть проявление инерции мышления. Мы говорим, что молодежь инфантильна, имея в виду отсутствие некоторых/многих из этих критериев у 20–30-ти и даже 40-летних. Но может быть, это не они инфантильны, а такова сегодня зрелость, в течение которой предстоит получать образование всю жизнь (long life education), менять (иногда качественно) профессию, быть актором «последовательной моногамии» и/или двигаться по «траектории семейного опыта» (Э. Тоффлер), арендовать жилье и т. п.? Т. е. возможно, что «формы признания (человека) взрослым изменились с жизненных модусов, ориентированных на определенность, предсказуемость и долговременное планирование на признание неопределенности, риска и кратковременных проектов... это практики социальной грамматики новой взрослости... А новые взрослые не живут в затянувшемся подростковом возрасте, а, наоборот, хорошо интегрированы в мир (радикально) отличный от прошлого...» [18, с. 785].

⁵Аддикция (англ. addiction) – зависимость, пагубная привычка.

Вместе с тем, некоторые терминологические уточнения не отменяют того, что автор фиксирует некий «синдром», взаимоувязывающий деторождение, потребительство и молодежный стиль жизни. В пользу наличия подобных связей, на наш взгляд, свидетельствуют результаты проведенного опроса вступающих в брак пар [15]. Было обнаружено, что на открытый вопрос о том, что такое нормальная семья, после кодирования полученных ответов на первое место у будущих как мужей, так и жен с существенным отрывом (особенно у невест) вышла категория «любящий(ая) супруг(а)» (наряду с наличием отдельной категории *взаимных* чувств, уважения и т. п.). Таким образом, потребительские установки проникают в казалось бы такие неутилитарные отношения как любовь, нормативным следствием которых в современных условиях является рождение ребенка.

В заключение – пара кратких комментариев, возможно, порожденных недостаточным объемом журнальной публикации Ф. Н. Ильясова:

- Внутренне противоречивым выглядит утверждение о том, что поведение выражается посредством... готовности к нему: «Репродуктивное поведение выражается посредством репродуктивных установок – совокупности представлений и настроений субъекта, свидетельствующих о его готовности (предрасположенности) реализовывать определенные типы репродуктивного поведения» [9, с. 169].
- Означают ли стрелочки на рис. 1 [9, с. 174] последовательность этапов «процесса сексуально-брачных отношений»? Тогда импринтинг как весьма жесткая форма генетически наследуемого поведения⁶ (даже с оговоркой, что оно социально-половое) у животных оказывается между двумя явно социально(-психологически) заданными процессами: половой самоидентификацией и усвоением норм поло-репродуктивного поведения. Оправдано ли это?

Мне кажется, будущая книга Ф. Н. Ильясова, насыщенная эмпирическими данными, должна вызвать интерес подготовленного читателя. Именно поэтому я постарался обратить внимание автора на ряд неясных и/или спорных его утверждений, а также некоторые сюжеты, вызывающие дополнительные размышления. Уточнение, развитие и дополнительная аргументация некоторых авторских положений будут только способствовать успеху книги, особенно у студентов.

Литература

- 1 Антонов А. И. Потребность в детях // Онлайн словари: [веб-сайт]. URL: http://onlineslovari.com/demograficheskiy_entsiklopedicheskiy_slovar/page/potrebnost_v_detyah.862.
- 2 Антонов А. И. Репродуктивная мотивация // Онлайн словари: [веб-сайт]. URL: http://onlineslovari.com/demograficheskiy_entsiklopedicheskiy_slovar/page/reproduktivnaya_motivatsiya.954/.
- 3 Гиппенрейтер Ю. Б. Введение в общую психологию: курс лекций. М.: Изд-во МГУ, 1996.

⁶ Кроме того, это одна из элементарных форм «опредмечивания» потребности (см. выше об этом). Насколько она применима к описанию весьма непростого, состоящего из множества компонентов процесса «сексуально-брачных отношений»?

- 4 Голод С. И. Семья и брак: историко-социолог. анализ. СПб.: Петрополис, 1998.
- 5 Голод С. И. Стабильность семьи: социолог. и демогр. аспекты. М.: Наука, 1984.
- 6 Голод С. И. Что было пороками, стало нравами: лекции по социологии сексуальности. М.: Ладомир, 2005.
- 7 Девятко И. Ф. Причинность в обыденном сознании и в социологическом объяснении: контуры нового исследовательского подхода // Социология 4М. 2007. № 25. С. 5–21.
- 8 Девятко И. Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. М.: Аванти плюс, 2003.
- 9 Ильясов Ф. Н. Потребность в детях и репродуктивное поведение // Мониторинг общественного мнения: эконом. и социал. перемены. 2013. № 1. С. 168–177. URL:
http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/2013/1/2013_113_19_II%60yasov.pdf.
- 10 Кравченко С. А. Социология: парадигмы через призму социолог. воображения. М.: Экзамен, 2002.
- 11 Леонтьев А. А., Леонтьев Д. А., Соколова Е. Е. Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность, сознание, личность. М.: Смысл, 2005.
- 12 Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл: Академия, 2004.
- 13 Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. / под ред. В. В. Давыдова, В. П. Зинченко, А. А. Леонтьева, А. В. Петровского. М.: Педагогика, 1983.
- 14 Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и эмоции. М.: Наука, 1971. URL:
<http://flogiston.ru/library/leontev>.
- 15 Солодников В. В. Социология социально-дезадаптированной семьи. М.: Питер, 2007.
- 16 Фабри К. Э. Основы зоопсихологии. 6-е изд. М.: УМК Психология, 2003.
- 17 Ядов В. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е изд., расшир. М.: ЦСПИМ, 2013.
- 18 Blatterer, H. contemporary adulthood: reconceptualizing an uncontested category // Current Sociology. 2007. Vol. 55 (6). P. 771–792.